

УДК 141.5

ЛИК ДРУГОГО КАК УСЛОВИЕ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.Е. Головницкая

УО «Барановичский государственный университет»
г. Барановичи, Республика Беларусь

В статье рассматривается философия Э. Левинаса как возможность понимания Другого в межкультурной коммуникации.

The article deals with the philosophy of E. Levinas as a possibility of understanding another person in crosscultural communication

Современное человечество переживает период трансформации в иное социальное измерение, что влечет радикальные изменения самих способов существования людей, практик их коммуникации и социальных дискурсов. Подобные ситуации характеризуются разрушением устоявшихся культурных порядков, с помощью которых организовывался жизненный мир и осуществлялся процесс понимания его. Иными словами разрушается общепонятный символический универсум культуры, что затрудняет процесс понимания в условиях становления глобального информационного общества. Об этом свидетельствуют социальные напряженности на межэтническом, межконфессиональном, межсубъективном уровне.

Возникает вопрос: каким образом в складывающихся условиях осуществляется процесс понимания себя и другого в различного рода коммуникативных практиках, в пространстве которых реализуется профессиональная деятельность и личная жизнь современного субъекта? Каковы те основания и условия, которые могут выступить гарантом адекватности межсубъектного общения в мультикультурном пространстве, когда в контексте современной социокультурной трансформации любую коммуникативную практику можно интерпретировать как столкновение культурных альтернатив? Актуальной становится проблема понимания, смыслообразования в коммуникативных практиках.

Анализируя сложившуюся со времен Античности философскую традицию понимания мира и организации опыта человека западной культуры и обнаруживая ее кризисность, проявившуюся в глобальных катастрофах XX в., французский философ Э. Левинас отказывается от онтологии и феноменологии и в качестве «первой философии» выдвигает этику. Однако этику он понимает не как свод правил, предопределяющих образ мышления и способность понимания, но как новый вид опыта, в основу которого положен примат общения над

бытием. Суть концепции Э. Левинаса, которую условно можно обозначить как «гуманизм Другого», заключается в замене спекулятивных построений дескрипцией этического отношения к Другому как ненасильственного отношения к бесконечно Иному. Тем самым ключевое значение в диалоге философ отводит категории Другого, а точнее его принципиально непознаваемой инаковости. Именно направленность на инаковость Другого, которую философ определяет как лик Другого, создает возможность взаимного сосуществования свободы субъекта и свободы Другого в коммуникации. При этом подчеркивается, что Другой, который никогда не равен субъекту, не рассматривается как препятствие свободе субъекта. Обозначая асимметричность позиций общающихся, Левинас пытается избежать столкновения двух свобод, в котором одна стремиться поглотить другую в живом и неповторимом общении.

Подлинное общение с Другим, философ описывает как событие «лицом к лицу», в котором позиция Другого определяется как позиция гонимого, подверженного смертельной опасности, а значит лишенного воли и свободы, за кого субъект должен принять ответственность. Поэтому субъекту, заботящемуся о своем бытии, а, следовательно, привыкшему жить и действовать в свете своих интересов и потребностей, необходимо перестроиться таким образом, чтобы дать место в своем жизненном пространстве Другому, чтобы возникла возможность услышать, увидеть и воспринять самоценность этого Другого безотносительно к обстоятельствам собственной жизни. Иными словами, признать право Другого быть самим собой, а не существовать в качестве кого-то для кого-то, в частности, для субъекта. Левинас усиливает позицию Другого в ситуации «лицом к лицу», утверждая, что Другой имеет право существовать не только вне субъекта, но даже и против него. Именно в этой ситуации способность увидеть его инаковость, его Лицо, ранимое и выразительное под внешней формой, и услышать его нравственный призыв «Не убий»! возникает, когда Другой признается собеседником прежде, чем будет понят, т. е. когда Другой принимается как дар. К дару нельзя применить насилие, им невозможно обладать, его можно лишь принять и быть за него в ответе. «Лицо есть тот нередуцируемый модус, соответственно которому сущее способно представать в своей идентичности» [2, 326]. Обнаруженная в Лике инаковость Другого, не сводимая к идее человеческого лица, определяет движение субъекта в опыте общения к тому пределу, который является нередуцируемо «иным». Тем самым Левинас пытается обозначить в предельном опыте общения некоторое «пустое» пространство (зияющую полноту), которое не позволяет

возникшему опыту замкнуться ни в какой категории или тотальности. Здесь, в этом атопичном, доисторическом коммуникативном состоянии и рождается смысл. «Присутствие лица есть не что иное, как возможность слышать и понимать друг друга» [2, 327]. Лик «говорит» и именно он делает возможной и начинает любую речь. Способ, каким субъект достигает этого состояния, Левинас обозначает категорией ласка. «Ласка – это способ бытия, когда субъект, соприкасаясь с другим, идет дальше этого соприкосновения. <...> Она как бы игра с чем-то скрывающимся, игра без всякого намерения и цели, не с тем, что может стать нашим и нами, а с чем-то другим, всегда другим, непостижимым, что должно прийти» [1, 97]. Видение лица Левинас рассматривает не как опыт, не как переживание субъектом своих ощущений, но как выход за пределы своего Я, когда в соприкосновении с другим существом обнаруживается та непреодолимая бесконечность, в которой пропадает намерение убить. Лик не познается субъектом, но лишь сообщается с ним. Событие «лицом к лицу» является началом всякого дискурса. Лик есть, собственно, сама речь, которая не удовлетворяет потребности субъекта в познании, доставляющем ему наслаждение, но с которой начинается духовный путь внутреннего преобразования человека.

Воспринимая Другого как того, кто важнее самого субъекта, субъект получает возможность воспринять от него новизну смысла, которая невозможна была бы внутри игры тождественного, т. е. внутри одиночества субъекта, приговоренного к самому себе. Следует заметить, что коммуникация, рассматриваемая как событие «лицом к лицу», не представляет собой простой обмен выражениями как некими определенными потоками информации. Значение, приходящее от Другого, следует рассматривать как сказывание – первичную форму интерсубъективного отношения, дающую возможность для всякого последующего высказывания, являющегося лишь следом этого сказывания.

Таким образом, концепцию Э. Левинаса «гуманизм Другого» можно рассматривать как основание одного из возможных проектов коммуникации – культуры глубинного общения, являющегося альтернативой культуры информационного контакта, формирующейся в условиях широко распространяющихся современных информационно-коммуникативных технологий и отличающейся поверхностным отношением к собеседнику. Иными словами культуру глубинного общения, понимаемую в концепции Э. Левинаса как культуру «отношения к Другому», можно рассматривать как

альтернативу распространяющейся культуры «отношения с другими», представляющую собой стратегию любознательности и наслаждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинас Э. Время и Другой. // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. – СПб., 1998. – С. 21-119.
2. Левинас Э. Трудная свобода.
[//_http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001017/st000.shtml](http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001017/st000.shtml). 17.06.08

УДК 81'373.21

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ТОПОНИМОВ XIII-XV вв. (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛОЦКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

О.П. Голубович

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы структуры и словообразования топонимов, предпринимается попытка их классификации, а также анализируется распространённость основных структурных моделей изучаемых топонимов.

The research is based on the names of geographical locations found in the Polotsk documents of the XIII-XV centuries. The article is dedicated to the structural models of the toponyms.

На территории Беларуси деловая письменность как особая разновидность языковой коммуникации появляется еще в эпоху Полоцкого княжества (X-XIII вв.), о чём свидетельствуют найденные берестяные грамоты. Однако отсутствие репрезентативной источниковой базы позволяет лишь высказывать догадки о масштабах использования документов. Наиболее ранние акты материалы относятся к XIII и последующим столетиям. Применительно к Беларуси существует только один регион – Полотчина, документальное наследие которого систематизировано и опубликовано [3, 4]. Данное исследование основывается на изучении топонимикона полоцких грамот, датированных XIII-XV вв. Общее количество проанализированных единиц составляет 1248.

Топонимикон полоцкой деловой письменности – явление историческое, и во многом его состав и форма обусловлены политическими, экономическими и социокультурными условиями, в которых было востребовано появление документов. В связи с этим невозможно дать объяснение некоторым особенностям ономастического материала вне общей канвы развития Полотчины. Так, первоначальный состав топонимических единиц свидетельствует о ключевой роли писаного документа не для внутреннего